18+

Трофан Вистовский

Остров Крымль

Правдивые истории из жизни прапорщика Моржового

Митрофан Вистовский

Остров Крымль. Правдивые истории из жизни прапорщика Моржового

«Издательские решения»

Вистовский М.

Остров Крымль. Правдивые истории из жизни прапорщика Моржового / М. Вистовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748749-2

Комедийная повесть. «Лежачих в палате было четверо — трое с переломами и пьяный фельдшер». Так началась моя карьера военного журналиста.

ISBN 978-5-44-748749-2

© Вистовский М.
© Издательские решения

Содержание

Историческая справка об Острове Крымль 6
Глава первая. Правдивая история о том, как полковник Горобец проводил следственно-розыскные мероприятия 7
Глава вторая. Правдивая история о том, как я решил принести Родине пользу 10
Глава третья. Правдивое повествование о звездном пути Харитона Моржового и о роли прапорщиков в истории человечества 14
Глава четвертая. Правдивая история о том, как полковой врач Столбунов давал клятву Гиппократу 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Остров Крымль
Правдивые истории из жизни прапорщика Моржового

Митрофан Вистовский

© Митрофан Вистовский, 2018

ISBN 978-5-4474-8749-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Историческая справка об Острове Крымль

Остров Крымль – самый большой из всех островов, которые в эпоху глобального потепления возникли в Мировом Океане. Точную площадь Острова установить пока не удалось так как экспедиция, посланная на разведку дальних территорий, до сих пор еще не вернулась. По слухам, членов этой экспедиции видели где-то в трущобах Таиланда, где они с успехом исполняли крымляндские народные частушки на тайском языке, но на официальном уровне эта информация подтверждения пока не нашла.

Не удается также установить и точную географическую принадлежность Крымля – европейцы считают Крымляндию частью Азиатского архипелага, тогда как азиаты склонны относить крымлян к европейцам. Сами же крымляндцы ничего по этому поводу не считают, поскольку в равной степени не верят ни тем, ни другим.

По свидетельствам античных историков крымляндцы являются людьми добродушными, но драчливыми. Так, французский путешественник Бонапарт сообщает, что на полпути путешествия по Острову его остановил какой-то одноглазый хулиган, который безо всяких на то оснований отходил незадачливого француза здоровенной дубиной по бокам и потом еще долго гнался за ним, подгоняя унизительными пинками и улюлюканьем.

По своему государственному устройству Остров Крымль представляет собой ясно выраженную анархическую монархию. Во главе Острова, по слухам, стоит исполняющий обязанности президента Царь, чьи полномочия подтверждены Царь-пушкой, Царь-колоколом, а также самим Царем. О другом политическом устройстве Острова известно немного, поскольку лингвисты до сих пор не могут расшифровать первую строчку крымляндской конституции, гласящую: «Закон – это часть лошадиной упряжи, которую поворачивают туда, куда надо ехать кучеру».

В целом жизнь на Острове интересна и разнообразна, чему немало способствует живость многонационального характера ее обитателей.

Из Большой Электронной Энциклопедии (Б-Э-Э)

Глава первая. Правдивая история о том, как полковник Горобец проводил следственно-розыскные мероприятия

Лежачих в палате было четверо – трое с переломами и пьяный фельдшер. Моя кровать стояла второй от окна. На этой кровати я и сидел, размышляя о том, как же мне повезло, и какие замечательные перспективы открывает передо мной лежание в полковом лазарете.

Повезло же мне вот в чем: на прошлой неделе я был командирован в дважды краснознаменный горобцовский полк с целью написать серию правдивых патриотических очерков о суровой и полной опасности воинской службе простых русских парней, и теперь, когда волею случая и судьбы я оказался на койке армейского лазарета, радовался возможностям, которые открывает передо мной непосредственное общение с героями моих будущих произведений. Известно ведь, что ничто так не располагает к откровенности, как совместное лежание в госпитале. Для меня, как для журналиста, это было большой удачей.

За окном лазарета полковник Горобец строил вверенный ему полк. Не в пример мне, настроение у полковника было отнюдь не безоблачным. Стоял он шагах в пятидесяти от окна, но даже с этого расстояния нетрудно было разглядеть, как по его лицу гуляют подозрительные пятна. Во всем его облике читалось что-то окаменевшее.

Я же продолжал сидеть и размышлять о своем журналистском везении. Взять, хотя бы, прапорщика Моржового, чья койка стояла рядом с моей. Он был первым, с кем я познакомился по своему прибытию в полк. Тогда прапорщик еще не лежал на больничной койке, закованным в гипс, а только-только собирался влезть на крышу казармы, чтобы снять оттуда большой рулон рубероида. Меня он попросил подержать лестницу, а когда уже нас несли в лазарет, здесь-то мы и познакомились поближе.

Одного взгляда на Моржового было довольно для того, чтобы понять – он был опытным воином и мог рассказать о воинской службе много чего интересного. Разве это не везение? Да любой журналист подтвердит вам, что это самое настоящее счастье! Как говорится, повод для радости был на лицо.

К тому же, рулон рубероида, из-за которого я попал в лазарет, оказался не очень упругим и задел мою голову только краешком. Сотрясение вышло, прямо скажем, пустяковое.

Хуже было с пальцем – пока я пытался удержать шаткую деревянную лестницу, на которой балансировал прапорщик, в мой палец угодила большая острая заноза, а палец, как известно, для журналиста – орудие производства. Без пальца ни статью толком не напишешь, ни информацию не добудешь.

Еще один небольшой минус заключался в том, что помимо прапорщика Моржового прочие обитатели палаты были не очень разговорчивы, поскольку лежали на своих койках наглухо упакованные в гипс. Гипс у них был повсюду, даже на челюсти, а, как известно, загипсованная челюсть к общению не располагает.

Один из этих бедолаг служил штурманом полковой авиации, второй, как мне показалось, матросом. Последнее было довольно странно. Я еще мог понять, как в нашем лазарете оказался авиатор – в конце концов, если летаешь на такой высоте, а потом падаешь оттуда, то гипс и лазарет – это еще не самое худшее, что может приключиться, но вот откуда мог упасть матрос – оставалось для меня загадкой.

Впрочем, все равно плюсов в моем положении было куда больше, чем минусов, и я от души радовался тому, что в лице прапорщика Моржового передо мной был настоящий герой для первого очерка. Он лежал на своей койке и незаметно пытался побить моего короля бескозырной десяткой.

– Моржовый, кончай мухлевать, – попытался урезонить я прапорщика. – Десятка короля не бьет.

– Какая десятка! – возмутился тот, – я туза бросил.

– А это что?

Карта в моей руке явно свидетельствовала не в пользу Моржового.

– Черт, я думал это туз…

Увы, на десятерного туза десятка была не очень похожа.

– Слушай, Моржовый, – предупредил я своего боевого товарища, – если будешь мухлевать, я за пивом не пойду.

В этот момент полк за окном был окончательно построен и по косвенным признакам я догадался, что сейчас полковник Горобец начнет проводить дознание по поводу пропавшей со склада тушенки. Он угрюмо оглядел стоящий перед ним строй и как бы нехотя поинтересовался:

– Ну что, товарищи бойцы, будем признаваться, кто тушенку стырил?

Если бы не внушительных размеров Маузер, который полковник сжимал в правой руке, никто бы и не уловил в его словах никакого намека. Вопрос был задан по существу и явно предполагал своевременный ответ, однако по глазам бойцов было видно, что признаваться они не намерены.

Следствие зашло в тупик.

Эта неудача озадачила командира. Пятна на его физиономии увеличились в размерах, достигнув размеров большой пятикопеечной монеты царской чеканки. Он еще раз оглядел стройные шеренги бойцов, почесал стволом Маузера взопревший лоб и снова поинтересовался:

– Значит, в молчанку будем играть?

Лично мне огорчение командира было понятным. Несмотря на то, что сам я еще на прошлой неделе был человеком гражданским, но даже и мне было доподлинно известно, что тушенка в армии – продукт стратегический, к тому же, полезный. Без тушенки в армии никак нельзя. Без тушенки армия – все равно что бронепоезд без рельсов.

А тут еще так случилось, что вчера вечером полковник Горобец как раз вернулся из отпуска, и вот что интересно: когда уезжал, тушенка была – полковник лично запер ее на складе, опломбировал замок и увез с собой единственный экземпляр ключей, а когда вернулся, тушенки уже не было. История выглядела запутанной и странной. Журналистское чутье подсказывало мне, что просто так теперь это дело не кончится.

Что же касается Моржового, то он имел на этот счет собственное мнение.

– И чего так раскипятился? – пожал плечами он, имея в виду полковника. – Тушенку кониной заменить можно. Не говядина, конечно, но тоже сойдет.

– А конину где взять? – усомнился я, однако сбить прапорщика с толку такие пустяки не могли.

– Конину у кавалеристов позаимствовать можно, – пояснил мне он. – Они нам конину, а мы им – роту солдат.

– Навсегда?

По моим представлением такой обмен был не совсем равноценным.

– Зачем навсегда? – прапорщик пожал плечами. – На время. Для строительства новой конюшни. Построят конюшню и обратно в часть. Взаимодействие войск.

Строй на плацу стоял по струнке, но никаких ощутимых результатов допрос подозреваемых все еще не давал. Видимо, по этой причине полковник решил сменить тактику и громко рявкнул:

– Под трибунал захотели, мерзавцы? Всех под суд отдам! Равняйсь! Смирно! Последний раз спрашиваю: какая сволочь тушенку стырила?

Моржовый опять не обратил на рев командира никакого внимания.

– А еще конину у колхозников позаимствовать можно, – продолжил он развивать свою мысль. – Я, вон, в прошлом году в колхозе за ящик мин целого коня выменял. Замечательный был коняга!

Слова прапорщика прозвучали внушительно и веско. Мне, правда, было не очень понятно, зачем колхозникам понадобились мины и что Моржовый делал с добытым конем, тем не менее я догадался, что обмен был произведен неспроста. Глядя в сосредоточенные глаза Моржового, трудно было поверить, что он вдруг станет что-либо обменивать просто так безо всякого смысла. Если поменял, значит так было нужно.

Все это еще больше переполнило мою журналистскую душу чувством уверенности – прапорщик Моржовый был просто кладезем различных историй, столь необходимых мне для продвижения моей карьеры газетчика. Я уже предчувствовал, какой успех среди читающей публики возымеют патриотические рассказы прапорщика, полные опасных приключений и суровой романтики!

– Так и будем молчать, уроды? – долетал до нас через открытую форточку полковничий бас.

Моржовый продолжал лежать на жесткой койке лазарета и незаметно пытался достать из рукава бубнового туза, сброшенного в отбой пять ходов назад. Я молча остановил его руку и даже не огорчился – что значили подобные пустяки в сравнении с теми возможностями, которые открывались передо мной благодаря знакомству с прапорщиком?

А ведь еще на прошлой неделе я даже не догадывался о его существовании и даже не подозревал, с каким замечательным человеком сведет меня судьба. Ну а началось все с обыкновенной мухи.

Глава вторая. Правдивая история о том, как я решил принести Родине пользу

Вся наша жизнь соткана из мелочей, и это не высокие слова, это факт, замеченный мною уже давно. Весь мой житейский опыт, зачастую трагический, явственно показывает, какое огромное значение имеют в человеческой жизни всякие мелочи и пустяки. Взять, хотя бы, муху – глядя на эту микроскопическую тварь трудно даже представить, какую роковую роль может сыграть в нашей судьбе оное насекомое. В мой же судьбе оно играло таковую роль неоднократно.

Не далее чем в прошлый четверг я сидел на своем рабочем месте в редакции и размышлял о высоком призвании журналиста. Работа мне нравилась. Ну а как могло быть иначе, если я, Митрофан Вистовский, работал штатным сотрудником в газете «Жареные факты», а что может быть достойнее и выше, чем нелегкая обязанность журналиста снабжать людей достоверной и нужной информацией?

Тогда я еще не подозревал о том, что переменчивая журналистская судьба вскоре пожелает, чтобы я сменил уютное кресло кабинета на погоны младшего лейтенанта запаса. Мысль о том, что из обычного гражданского журналиста жизнь вскоре сделает из меня военного корреспондента, попросту не приходила мне в голову. Я был полон радужных надежд и справедливо полагал, что с успехом могу потрудиться на благо родной Отчизны, не выходя за пределы редакционного кабинета.

Единственное, что портило мне в тот день настроение, была большая зеленая муха. Она назойливо зудела у меня над головой и упорно мешала сосредоточиться.

Сотрудники редакции все как один разъехались по своим журналистским делам, так что в кабинете никого, кроме меня и мухи, не было.

Отмахнувшись от надоедливого насекомого, я вернулся к своей недописанной работе, которую начал еще с утра. На самой макушке листа в красивых чернильных вензелях значилась емкая фраза: «Уважаемый Владимир». Вторую фразу к тому моменту написать я еще не успел.

В принципе, дело было несложным. Зная, сколь ответственно и серьезно я подхожу к любому заданию, редактор поручил мне поработать с читательской почтой и попросил дать развернутые ответы на всякие злободневные письма наших читателей. Читатели присылали в любимую газету животрепещущие вопросы и кто-то должен был помочь этим людям разобраться в тонкостях современной политики, а также в многочисленных сложностях и перипетиях непростой современной жизни.

Я еще раз пробежал глазами по рукописным строкам письма, присланного в редакцию читателем с простым русским именем Владимир. Проникновенные строки гласили:

«…Вчера в трамвае на мою просьбу подвинуться какой-то гражданин выпал из трамвая и обозвал меня хамом. Почему в нашей стране люди матерятся, вместо того, чтобы просто подвинуться?».

Вопрос был поставлен актуально и остро. Владимир ждал от меня чего-то конструктивного, но едва только в моей голове замаячило начало второй строки, как в этот момент глупое насекомое перестало биться головой об оконное стекло и со всего размаху больно врезалось мне ухо.

Это было досадно. Тем не менее, я решил не придавать этому факту большого значения и снова вернулся к работе, однако вдохновение мое к тому времени куда-то улетучилось. Тяжело вздохнув, я наугад достал из мешка новое письмо, втайне надеясь, что вдохновение еще вернется.

«Недавно у нас с мужем, – пылало строками письмо от некой домохозяйки Люси, – произошел политический диспут. Муж сказал, что одобряет политику американского президента, а я дала ему сковородкой по голове. Скажите, кто из нас прав?».

Ответ у меня родился быстро. На подобные вопросы мне уже приходилось отвечать неоднократно.

«Уважаемая Люся, – уверенно записал я на листке бумаги, – правда на Вашей стороне! Сковородка-то была у вас…».

Порадовавшись первому успеху, я собрался было продолжить начатое дело, но и муха не отказалась от своих попыток испортить мне настроение. Пока я писал ответ, она то садилась мне на нос, так и норовя заползти в самую ноздрю, то зависала прямо над ухом, издавая отвратительный гул, отдаленно напоминающий рев турбин реактивного истребителя, и наконец приземлилась прямо на бумажный листок с явным намерением нагадить на только что написанные строки.

– Ах ты, сволочь, – искренно возмутился я. К этому моменту я уже начал понимать, что вместе с мухой нам в одном кабинете ужиться никак невозможно. Кто-то из нас должен был уйти.

Муха ловко увернулась от моей ладони, немного покружила по кабинету, и наконец присела отдохнуть на входной двери кабинета. Там-то она и чистила свои насекомые лапы, еще не догадываясь о моих решительных настроениях. Взяв со стола увесистую папку, я на цыпочках подкрался поближе к вредоносносному существу. Медлить было нельзя.

Стараясь не шуметь, я занес над головой оружие возмездия и что есть силы нанес по зазевавшейся сволочи сокрушительный удар. Кто же мог подумать, что именно в этот миг главный редактор надумает заглянуть в кабинет? Естественно, муха, воспользовавшись обстоятельствами, успела улизнуть, а сокрушительный удар пришелся прямехонько в темя моего начальника.

Хорошо хоть редактор оказался человеком интеллигентным. Он не стал поднимать скандала, а только потер ладонью пострадавшую лысину и с некоторым удивлением спросил:

– Ты что, ополумел, что ли, Вистовский?

– Да я муху хотел убить, – попытался оправдаться я, однако что-то мне подсказывало, что теперь мне будет непросто ужиться под одной крышей не только с мухой, но и с начальством.

– Муху, – проворчал тот и сменил тему, – значит так, через пять минут жду у себя в кабинете.

– Да я правда по мухе хотел попасть, – еще раз попробовал оправдаться я.

– Да причем здесь муха, – отмахнулся редактор и огорченно ушел.

Еще одно трагическое стечение обстоятельств состояло в том, что именно в тот роковой день редактор обдумывал, кому бы ему поручить серию очерков об армейской службе. Задание было ответственным, доверять его кому попало было нельзя. Здесь требовался человек с хорошими нервами и журналисткой смекалкой.

Когда, полный нехороших предчувствий, я заглянул в кабинет редактора, там уже сидело человек пять журналистов из соседних отделов и еще какой-то полковник из местного военкомата. О мухе редактор и не вспоминал.

– Стало быть так, – открыл свое выступление он, когда все наконец расселись за большим редакторским столом, – правительство нашего Острова ставит перед нами ответственную задачу.

Он развернул какую-то бумажку с большой гербовой печатью и зачитал:

«В целях усиления патриотического воспитания молодежи и для активизации армейского призыва срочно разработать и внедрить в массовое сознание позитивный образ современного военнослужащего. Число. Подпись».

В кабинете повисла напряженная тишина. Редактор отложил телеграмму в сторону и задумчиво произнес:

– В принципе, дело это добровольное. Пресса у нас свободная, так что мы вполне можем отказаться от возложенного на нас поручения.

Как бы стараясь найти подтверждение своим словам редактор взглянул на молчаливо сидящего полковника. Полковник со знанием дела кивнул и строго оглядел всех присутствующих. В его глазах читалось, что никаких репрессивных мер, кроме закрытия нашей газеты, за подобный отказ нам действительно не грозит.

Впрочем, каждый из нас и так сознавал, насколько важным является это задание. Страна жаждала услышать новости о героях, которые стойко переносят тяготы и лишения воинской службы, охраняя покой родной Отчизны, а в газетах, как назло, появлялись только гнусные пасквили, позорящие честь армейского мундира.

Дело дошло до того, что многие молодые люди, начитавшись про армию всяких гадостей, наотрез отказывались идти на престижную воинскую службу, а вместо этого прибегали к всевозможным уловкам – прикидывались идиотами, выдавали себя за слепых, глухих и безногих, поступали в институты, получая индульгенцию от призыва, а иные и вовсе наглым образом не являлись в военкомат по повестке. Ситуация становилась просто тревожной. В скором времени вполне могло статься так, что некому будет стоять на боевом посту и стирать старослужащим портянки!

Так что оспаривать серьезность этого положения вещей было бы неправильно. В глубине души каждому на Острове было ясно, что стране нужен был эталон, глядя на который молодежь пропиталась бы патриотическими настроениями и сама бы потянулась на призывные армейские пункты.

Кто-то рассказывал мне, что именно ради создания такого эталона правительство Острова не так давно профинансировало съемки популярного патриотического фильма из жизни обычного строевого подразделения. Несколько месяцев лучшие режиссеры Острова трудились над созданием грандиозной ленты. Они тратили сотни километров лучшей пленки, снимали армейские пейзажи на лучшие камеры, выбирая самые подходящие ракурсы, а чтобы сгладить отдельные шероховатости, использовали специальный прибор, который запипикивал специфические слова и выражения. По этой причине у некоторых зрителей создавалось впечатление, что военные общаются между собой исключительно на морзянке.

Но особые надежды армейское командование возлагало на печатные средства массовой информации – в газетах даже запипикивать ничего не требовалось.

– Ну что, какие будут предложения? – поинтересовался у присутствующих редактор.

Тут-то я и подумал, что судьба предоставляет мне прекрасный шанс загладить то небольшое недоразумение, которое случилось между мной, редактором и мухой.

– А чего тут особенно предлагать? – оживился я. – Позитивный так позитивный. Разработаем и внедрим.

– Ну вот и отлично, – радостно потер руки редактор, – значит собирайся и завтра в командировку.

Только здесь я впервые заподозрил, что сделал какую-то глупость.

– Зачем в командировку? Я и так могу справиться. Дело-то на семь секунд.

В сердце моем еще теплилась надежда, что мне удастся отвертеться от непредвиденной поездки непонятно куда. Зачем, спрашивается, куда-то ехать, если такие вещи как дважды два решаются непосредственно на месте? Да я хоть завтра мог положить на стол редактору десяток статей о том, как наши доблестные военнослужащие, рискуя собственной жизнью, спасают котенка из горящего дома или отказываются продать вражеским шпионам секретные документы за тридцать баксов, но тут в разговор вмешался полковник:

– Семь секунд нам не надо. Нам надо так, чтобы бац, и в точку! И чтобы все по Уставу.

– Давай, давай, Вистовский, собирайся, – поддержал эту мысль редактор. – Поживешь в войсках, присмотришься, проникнешься атмосферой. Кстати, – поинтересовался он у полковника, – что там у вас с планами по призыву резервистов?

– С планами по призыву резервистов у нас все в порядке. Проводим набор, – по всей форме доложил полковник.

– Ну тогда вот вам доброволец, – редактор указал пальцем на меня и закрыл тему. – Оформите его повесткой, чтоб не сбежал. Думаю, месяца переподготовки ему хватит.

Вот, собственно, и вся история о том, как я оказался в горобцовском полку. Сознавая всю важность и ответственность возложенного на меня дела, я и не думал отказываться от своего поручения. Для виду я, конечно, попытался возразить редактору, но полковник уже выписал мне повестку.

– А если я не приду, за уклонение много дают? – уточнил я у полковника.

– Года три, не больше, – успокоил меня он…

Так я и оказался в армии и теперь, сидя на койке лазарета, размышлял о том, как бы мне лучше справиться со своим непростым заданием.

– Слышь, Моржовый, – обратился я к прапорщику, когда тот в очередной раз начал тасовать колоду, – ты бы рассказал мне чего-нибудь про службу. А то мне статью надо писать.

Прапорщик пожал плечами.

– А чего рассказывать? Служба как служба.

– Я вам покажу службу, мать вашу! – продолжал орать перед строем полковник Горобец, как если бы подслушивал наш разговор. – Совсем уже обнаглели, уроды! Будем стоять, пока тушенку не найдем. У меня время есть…

– Вот и носи тебе после этого пиво, – попытался усовестить я прапорщика, стараясь, чтобы следствие, проводимое полковником, не заглушало мои слова.

– Да что рассказывать-то, – повторил прапорщик, – смотри вон в окно и записывай.

Конечно же, прапорщик скромничал. Несомненно, такой опытный боец, как он, мог бы рассказать об армейской службе много чего интересного. Что же касается вида за окном, то матерные возгласы полковника Горобца мало годились для патриотического воспитания молодежи.

– Ладно, – наконец смягчился Моржовый, – потом расскажу. За пивом сходишь, тогда и поговорим. А сейчас настроения нет.

– Ну и черт с тобой, – согласился я, – сдавай.

– Вы у меня сами на тушенку пойдете, – не унимался за окном Горобец.

Глава третья. Правдивое повествование о звездном пути Харитона Моржового и о роли прапорщиков в истории человечества

К обеду похищенная тушенка все еще не обнаружилась. Зато фельдшер, до этого мирно почивавший на кровати у входа, перестал храпеть и заворочался.

– Есть что выпить? – поинтересовался он, медленно приоткрыв один глаз.

– Откуда? – пожал я плечами.

Моржовый и вовсе не пошевелился.

– А пожрать? – продолжил осведомляться фельдшер.

– Каша на кухне.

– С тушенкой?

– С перловкой.

– А тушенка где?

По всей очевидности, за время своего отдыха фельдшер много чего пропустил и был совершенно не в курсе трагических происшествий, которые приключились в полку.

– Так украли же тушенку.

– Всю?

– Всю…

Фельдшер молча поднялся с кровати, подошел к умывальнику и сунул голову под струю холодной воды. Плескался он довольно долго, хотя и безо всякого удовольствия.

– Охренеть можно, – наконец сформулировал он, завершив свои водные процедуры, и было не совсем ясно, что он имеет в виду: свое состояние, пропавшую тушенку или вообще.

– Китайцы тушенку спионерили, – включился в разговор Моржовый.

– Да откуда здесь китайцы? – усомнился я.

– Ясно откуда – из Китая. На прошлой неделе их тут целый батальон ошивался, совместные маневры с нашим полком проводили. Человек пятьсот, наверное. И глаза у всех хитрющие такие…

Фельдшеру до китайцев не было никакого дела. Он вытер голову моим полотенцем и, ни слова не говоря, отправился на очередное дежурство.

– Может и китайцы, – из вежливости согласился я, хотя и считал таковую версию не очень убедительной.

Меня в тот момент больше занимала мысль о написании первого патриотического очерка, и хотя забинтованный палец осложнял мне мою журналистскую деятельность, тем не менее, я решил, что могу пока что просто обдумать и осмыслить материал. Все равно ведь глупо было браться за работу, если материал еще как следует не отлежался, ну а карты к тому времени успели уже осточертеть.

Я откинулся на подушку и принялся думать.

– Слышь, Моржовый, – окликнул я своего соседа, – а ты почему в прапорщики пошел?

– Почему, почему, – вяло отозвался он, – Родина позвала, вот и пошел…

Он уткнулся в журнал, на обложке которого красовалась пышная девушка, одетая в ниточку от купальника, и замолчал.

Я попробовал представить себе Родину, зовущую Моржового на должность прапорщика. Образ получился внушительным и симпатичным. Именно это мне и требовалось для начала. Мысли мои потекли легко и свободно.

– А до того, как в прапорщики пойти, ты кем был?

– По разному, – буркнул он в ответ на мой наводящий вопрос.

Постепенно картина прояснялась. Оказалось, что прежде, чем получить погоны, Харитон Моржовый прошел долгий, извилистый путь. На этом пути характер его закалился, а сам прапорщик стал немногословен – информацию приходилось добывать у него по крупицам.

Тем не менее, очень скоро мне удалось выяснить, что раньше мой сосед по палате работал городским пожарником, но после того, как во время его дежурства пожарная часть сгорела дотла, он временно устроился на должность инструктора в городской котельной. Тогда в его обязанности входило ввинчивать перегоревшие лампочки, кипятить чайник на всю бригаду и звать на помощь команду спасателей, если какой-нибудь котел неожиданно взрывался. С этой целью в котельной был подвешен большой тревожный колокол, в который Моржовый и должен был звонить в случае необходимости, а иногда и просто так.

Первое время эта работа удовлетворяла его, жаль только супруга Люся оставалась не очень довольной. В целом она, конечно, относилась к своему мужу с уважением, но для порядка все равно обзывала Харитона Моржового ни на что не годным безмозглым кретином.

Конечно, в тот период у Люси были причины для некоторого недовольства – форма пожарника шла Моржовому гораздо больше, чем выданная в котельной дырявая телогрейка, но известно ведь, что не место красит человека. Главное, что работником Харитон Моржовый был толковым.

И вот однажды в жизни Моржового произошел случай, который разом изменил всю его жизнь. Возвращаясь как-то вечером из котельной, он увидел, что на обочине парковой дорожки лежит генеральская папаха вполне приличного вида, а рядом на деревянной скамейке крепко спит в меру выпивший незнакомый гражданин в клетчатой рубашке и с застарелым синяком под глазом.

– Твоя, что ли? – толкнул Харитон спящего в бок.

Тот ошалело протер глаза, спросонья не очень-то соображая чего от него хотят, а когда все-таки сообразил, то для начала ощупал свою голову руками:

– Нет, не моя. У меня, вроде, кепка была. Ты кепку случайно не находил?

Спящий на лавочке гражданин на генерала был похож не особенно. К тому же, на улице было довольно тепло для зимней папахи, а потому оставалось только предположить, что папаху потерял какой-нибудь старенький генерал. Возможно, за время долгой карьеры у этого генерала стали мерзнуть мозги, вот он и решил надеть зимнюю шапку, отправившись в ближайший киоск за сигаретами, а когда ее унесло ветром, не стал искать пропажу.

Иными словами, получалось, что папаха, найденная у скамейки, была ничейной, а потому Моржовый с чистой совестью взял ее с собой. Он вдруг подумал, что этой находкой сама Судьба указывает ему верную дорогу. Тем же вечером Харитон вернулся домой в приподнятом расположении духа.

– Подай-ка мне, Люся, ручку и лист бумаги, – с порога скомандовал он жене, но, заметив скептический Люсин взгляд, пошел за бумагой сам.

– В армию решил я пойти, – по дороге пояснил он.

– Генералом? – поинтересовалась Люся, очевидно намекая на генеральскую шапку, которую Харитон бережно пристроил на вешалку.

– Для начала прапорщиком. Там, говорят, зарплата в трое выше, чем в котельной. И еще паек продуктовый дают! Заявление буду писать.

– Пиши-пиши, Достоевский, – хмыкнула супруга, зачем-то напомнив, что слово «кретин» пишется через «е».

– Лучше бы подсказала, как «прапорщик» пишется, – проворчал с кухни Моржовый.

На супругу свою он не обижался. После того случая, как однажды осенью Харитон пошел за хлебом и вернулся только под Новый Год, в глубине души он стал подозревать, что Люся имеет некоторые основания проявлять недовольство, хотя до конца так и не понял, чем это недовольство было вызвано. Хлеб, который он принес в тот раз, был хоть и не очень свежий,

но вполне съедобный. В этом Моржовый готов был поклясться, потому что Люся, огрев его на входе тяжелой двуручной скалкой, заставила прямо у дверей съесть всю булку целиком. Даже стакана воды не дала запить!

Харитон отмахнулся от ностальгических воспоминаний и принялся за дело. Заявление он составил довольно быстро – этому его еще в школе пожарников научили, а затем сел за составление своей автобиографии. В те годы он еще не был таким немногословным, а потому решил описать свою жизнь подробно и с размахом.

«Автобиография Харитона Моржового, составленная им же самим такого-то числа, такого-то года от Сотворения Острова и Рождества Его Президентского Величества», – вывел он крупными буквами на самой макушке листа и принялся описывать свою полную опасных приключений и подвигов жизнь.

Честно и без утайки он рассказал, как с экспедицией Челюскина пересекал Аравийское море; как мыл золото в далеких степях Забайкалья; как, спасая бригаду старателей от голодной смерти, лично застрелил последнего мамонта. Не стал он скрывать и о своих успехах в области кинематографии, подробно описав как младшим помощником режиссера участвовал в съемках знаменитого блокбастера «Анна Каренина возвращается».

Затем Харитон хотел было рассказать о службе в должности городского пожарника, но передумал и сразу же перешел к описанию своих прошлых воинских подвигов. Впрочем, дойдя до момента, когда он, рискуя собственной жизнью, вытаскивал раненного товарища с поля боя, Моржовый вдруг вспомнил, что подсмотрел этот эпизод в каком-то киношном триллере и отложил ручку в сторону.

Писать, по большому гамбургскому счету, больше было не о чем. Оставалась еще паратройка эпизодов, вроде участия в президентской гонке и бесславного выступления на конкурсе «Играй, гармонь», но размениваться на пустяки не хотелось.

– Написал? – спросила его жена, когда усталый, но довольный Моржовый вышел на балкон покурить.

– А то! – удовлетворенно ответил ей он, протягивая плотно исписанный листок. Супруга прочла его в полном молчании. Ни один мускул не дрогнул на ее симпатичном лице.

– Ты зарплату получать хочешь? – наконец прервала она затянувшуюся паузу, и услышав очередное «а то!», сказанное, правда, уже без прежнего задора, коротко скомандовала:

– А если хочешь получать свою несчастную зарплату, то садись и пиши. Автобиография. Не был. Точка. Не привлекался. Точка. Не состоял. Точка. И подпись: Х. Моржовый. Написал?

– А что? Вполне ведь пристойная получается биография! – радостно воскликнул Моржовый и поцеловал растроганную супругу в щеку. Так он на собственном опыте убедился, что краткость – сестра таланта, а талантливый человек – нигде не пропадет.

Следующим же утром Моржовый пришел к военкомату. Ворота оказались закрыты, но его это не смутило. Весело перепрыгнув через железную ограду, он направился в сторону заветного крыльца.

– Эй, мужик! – попытался остановить его какой-то сержант. – Ты куда прешься?

– Отставить «мужика», – строго выговорил ему Моржовый, – обращайтесь ко мне по званию.

Сержант поискал на плечах Моржового отсутствующие погоны и недоуменно пожал плечами:

– А какое у тебя звание?

– Товарищ будущий прапорщик, – торжественно сообщил он.

Так начался звездный путь Харитона Моржового, путь, полный опасных приключений и воинских подвигов. О таком человеке, несомненно, стоило написать очерк.

Вообще, мне вдруг показалось странным, почему на нашем Острове о прапорщиках ходит такое количество анекдотов и сомнительных баек. Сочинять их могли только люди, дале-

кие от суровой армейской реальности, потому что никаких оснований для этого не было. А вот польза от прапорщиков была. В самом деле, если бы никакой пользы от прапорщиков не было, разве стали бы их в армии держать? Ежу ведь понятно, что нет.

Мне вдруг захотелось как-нибудь исправить эту ужасную несправедливость, тем более, что примеров, подтверждающих позитивную роль прапорщиков в истории было хоть отбавляй.

Взять, хотя бы случай, который произошел во время последней большой войны. Тогда иноземные полчища нагло прорывались к нашей столице, и бог знает, чем бы все это закончилось, если бы в дело не вмешался некий прапорщик, тогда еще безызвестный.

А дело было так. Однажды в руки вражеских генералов случайно попали сверхсекретные штабные карты, на которых красным фломастером были обозначены маршруты и сроки всех передислокаций нашего войска. Рассудив, что такая удача на войне выпадает не часто, враг собрал силы в кулак и нанес сокрушительный упреждающий удар по всем уязвимым точкам нашей обороны. Иноземные захватчики уже потирали руки в предчувствии скорой победы и готовили фужеры под шампанское, но жестоко просчитались. Они еще не знали, что дедушка прапорщика Моржового – тоже Моржовый и тоже прапорщик – эти самые карты потерял, а потому в отличие от неприятеля наши генералы совершенно не знали, куда им следует выдвигаться и увели свои полки наугад в неизвестном направлении.

Словом, вражеский удар пришелся по совершенно пустым позициям. Ну а пока чужеземные военачальники пожимали плечами и пытались получше сориентировать добытые карты на местности, недоумевая, куда мог подеваться противник, наши гвардейцы, с неделю проплутав по лесам без провианта и курева, неожиданно вышли в тыл захватчикам и разграбили продуктовый склад. После этого добить обескровленного и деморализованного врага труда уже не составляло.

За этот воинский подвиг дедушку Моржового решено было не расстреливать. Его повысили в звании до старшего прапорщика, простили потерю секретных документов, назначили персональную пенсию, а звание прапорщика с тех пор получило в нашей армии заслуженное уважение и признание.

Одним словом, после этого случая сомневаться в той пользе, которую приносили прапорщики, мог только совсем уж гражданский человек.

Единственное, что оставалось для меня загадкой, так это конкретные функции, которые исполняли прапорщики в войсках.

– Слышь, Моржовый, – снова обратился я к соседу по койке, – а что конкретно прапорщики в армии делают?

– Все, – коротко ответил Моржовый.

Ответ показался мне не очень конкретным и сомнений моих не рассеял.

В целом в иерархии армейских чинов царил идеальный порядок. Все было построено логично и убедительно: сержанты командовали отделениями, лейтенанты – взводами, капитаны – ротами, и так до самого верхнего генерала, который пытался командовать всеми. У прапорщиков же под началом не было никаких воинских подразделений, а потому им приходилось просиживать время на продуктовых складах, думая, чем бы себя занять и кем бы покомандовать.

Были кое-какие сомнения на счет прапорщиков и у высшего армейского руководства. Поговаривали, что однажды главный маршал всех родов войск Громыхайло собрал своих подчиненных и задал им прямой вопрос:

– А чем, товарищи генералы, у нас в войсках товарищи прапорщики занимаются? Не упразднить ли нам это славное звание?

Увы, мнения у генералов по этому вопросу разошлись. Одни полагали, что в войсках и без прапорщиков хватает командиров, а товарищи прапорщики только казенное имуще-

ство даром проедают. Другие им возражали, что казенное имущество товарищи прапорщики, конечно же, проедают, но если их упразднить, то кем заполнить освободившиеся вакансии?

Решил тогда маршал Громыхайло лично разобраться с этим непростым вопросом и своими глазами понаблюдать за тем, как в его армии прапорщики службу несут. Вышел он на строевой плац и спросил у первого встречного солдата:

– Не видел ли ты, сынок, старшего прапорщика Моржового? Хочу ему пару вопросов государственной важности задать.

А солдат ему отвечает:

– Так точно, товарищ маршал, видел я старшего прапорщика Моржового. Секунду назад был здесь, а сейчас ушел куда-то.

Тогда маршал Громыхайло отыскал другого солдата и задал ему тот же вопрос. Оказалось, что и другой солдат тоже только что видел товарища старшего прапорщика, но не знает, куда тот отправился. С третьим солдатом история повторилась в деталях.

Так маршал Громыхайло проходил по военному городку до глубокой ночи, и куда бы он ни зашел, везде находил еще не остывшие следы старшего прапорщика, но самого прапорщика увидеть ему так и не довелось. По словам очевидцев товарищ старший прапорщик Моржовый за этот день успел побывать и на складе, и в гараже, и в штабе, и на стрельбище. За это время он четыре раза съездил в командировку, слетал на Луну, полечился в госпитале, и даже на курсах повышения квалификации успел поучиться.

Короче, вездесущего прапорщика видели повсюду, так что маршал даже мозоль на пятке натер за время своих поисков. После этого подумал Громыхайло и обратился к своим генералам:

– Вот, товарищи генералы, учитесь у старшего прапорщика Моржового. Вы целые дни в штабах штаны протираете, а старший прапорщик Моржовый по воинской части без устали ходит, службу несет. Даже мне за ним не угнаться, такой он у нас шустрый и резвый!

И решил тогда маршал Громыхайло не упразднять высокое звание прапорщика…

Материала для статьи было предостаточно, оставалось только ее написать.

Мои размышления прервал тот самый фельдшер, который еще полчаса назад отсыпался на соседней койке. За это время на носу у него успел проступить характерный румянец, а в глазах появился подозрительный огонек.

– Слышь, мужики, – бросил он с порога, – я сейчас в город. Меня кто будет спрашивать, скажите, что секунду назад здесь был, а сейчас вышел куда-то. Идет?

– Пива принеси, – вместо ответа крикнул ему вдогонку Моржовый.

Глава четвертая. Правдивая история о том, как полковой врач Столбунов давал клятву Гиппократу

Утром следующего дня я стоял у кровати прапорщика Моржового и с удивлением смотрел на его загипсованную ногу. С одной стороны, нога была как нога, а вот с другой – она почему-то опухла и пальцы, выглядывающие из-под гипса, приобрели подозрительный темно-лиловый оттенок.

Рядом со мной стоял полковой врач Столбунов и тоже смотрел на моржовскую ногу с удивлением. Выглядел доктор неважно. Утренняя щетина на впавших щеках и темные мешки под глазами еще больше подчеркивали его озабоченность.

– Надо что-то делать, – нарушил я трагическое молчание, повисшее над кроватью больного.

– Ну, – подтвердил Моржовый, – а я что говорю? Пальцы совсем онемели. Не чувствуют ничего.

Ответом доктор нас не удостоил. Он только поморщился, угрюмо помассировал себе виски и куда-то ушел.

– Чего это он? – забеспокоился прапорщик.

Я пожал плечами.

– Не знаю. Может таблетки какие тебе пропишет.

– Какие таблетки?

Мой боевой товарищ явно нервничал, так что даже пришлось его успокаивать.

– Да что ты волнуешься? – постарался я придать своему голосу уверенность, хотя вид раздувшейся и опухшей моржовской конечности к оптимизму не располагал. – Не бойся, Моржовый, он же доктор, а не ты. В конце концов, у тебя вторая нога есть.

Мои успокоения подействовали на прапорщика не очень сильно. Он приподнялся на кровати, разглядывая свою ногу, и в глазах его читалась озабоченность.

– Болит? – снова посочувствовал я ему.

– Дергает.

– Придется потерпеть, – вздохнул я, – как там Устав говорит? Солдат должен стойко переносить тяготы и лишения воинской службы.

Моржовый поморщился.

– Я не солдат, я прапорщик.

Я немного помолчал и высказал новое предположение:

– Это потому, Моржовый, что ты с кровати вчера вставал.

Впрочем, и эти мои слова не успокоили страдальца. С кровати прапорщик вчера действительно поднимался и даже умудрился проскакать по коридору из одного конца коридора в другой, вот только едва ли это могло стать причиной опухоли. Он же загипсованной ногой по стенам не бил и в футбол ею не играл.

На всякий случай я взял полотенце и потер им по почерневшим моржовским пальцам.

– Слышь, прапорщик, а ты ноги мыть пробовал? Может это тебе портянки так натерли?

Моржовый коротко ругнулся:

– Да какие, к чертям, портянки? Я же в гипсе.

А ведь еще вчера все шло хорошо. Единственная неприятность, которая произошла у нас прошлым вечером, заключалась в том, что фельдшер, ушедший в город за пивом, нас все-таки надул. Через окно я видел, как двое солдат заносили его обратно в лазарет, но никакого пива при нем не было.

Зато после этого события начали понемногу входить в позитивное русло. Сначала Моржовый, который тоже наблюдал за бесславным возвращением фельдшера, немного расстроился.

– Вот урод! Надо было самому за пивом сходить, – огорчился он и в его голосе явственно слышались нотки укоризны, причем, не только в адрес фельдшера.

Как не крути, но среди обитателей нашей палаты я был единственным, кто мог передвигаться на двух ногах без костылей. Контузия моя была, конечно же, штукой неприятной, но ходьбе за пивом особенно не мешала. Поэтому я чувствовал некоторую неловкость за то, что так подвел своего товарища, доверив столь ответственное дело пьяному фельдшеру.

– А может спирта у Столбунова попросим? – пришла мне в голову здравая мысль. Не то чтобы я был любителем этого медицинского напитка, скорее мне просто хотелось как-нибудь загладить свою вину. Ну, и выпить, конечно же, тоже не мешало.

– Не даст, – без особого энтузиазма откликнулся на мое предложение прапорщик. – Я ему еще с прошлого раза литровую задолжал.

– Ну так это же ты задолжал, а не я.

– Все равно не даст, – Моржовый вздохнул.

Мне почему-то казалось, что у Столбунова не было никаких причин отказывать мне, и хотя доктор в полку слыл человеком прижимистым, я справедливо рассудил, что уж грамм по двести казенного спирта он мог бы выдать нам безболезненно. В самом деле, если спирт в лазарете предназначен для медицинских целей, то есть для непосредственного лечения пациентов, то почему бы доктору и не налить своим пациентам хотя бы по стопочке?

Когда я постучал в кабинет Столбунова, на дворе уже темнело, а доктор сидел за столом рядом с большой стеклянной бутылкой и в глазах его читалась не совсем понятная грусть. Он задумчиво посмотрел на меня, и даже не поинтересовавшись, зачем, собственно, я заглянул в его кабинет в столь поздний час, печально спросил:

– Вот скажи мне, Вистовский, тебе жена изменяет?

– Нет, – на голубом глазу соврал я, хотя никакой жены на тот момент у меня не было.

– А я вот думаю, что моя мне изменяет.

Он равнодушно плеснул в кружку спирта и толкнул ее в мою сторону.

– Пей…

Отказывать доктору было как-то неловко, тем более, что я за этим и шел.

– А закусить есть?

Столбунов порылся в аптечке и молча выставил на стол банку армейской тушенки. Вечер обещал получиться на славу.

– А ты что, подозреваешь ее что ли? – вежливо поинтересовался я у доктора.

– Кого?

– Ну, жену свою? Факты, что ли, какие нашел?

– А-а, – устало отмахнулся Столбунов, – хуже. Я не подозреваю, я чувствую!

Он наотмашь хлебнул из кружки, как если бы не пил, а с размаху прыгал в какой-нибудь омут, после чего только скривил губы и продолжил свою мысль:

– Вот ты сам подумай: я здесь, а она сейчас там, дома.

– Ну, – не совсем понял я.

– Баранки гну, – ругнулся доктор. – Вот что она там сейчас делает?

– Да мало ли? – пожал я плечами. – Может спит или телевизор смотрит…

– Телевизор! – саркастично поморщился доктор. – Как же!

Тут я понял, что доктор Столбунов остро нуждается в чьей-то товарищеской поддержке. Врачу, который всю свою жизнь только и делал, что облегчал чужие страдания, теперь самому требовалось излить кому-то свою наболевшую душу. По этой причине я не стал просить его налить по второй, а плеснул себе сам.

– А у тебя жена кто?

– Актриса. В театре работает.

– Ну, актриса – это еще не самое страшное, – опять соврал я Столбунову. – Ты думаешь если актриса, то обязательно гуляет? Бывают же, наверное, исключения!

– Думаешь? – не поверил мне он.

– А то! Все это глупые предрассудки. Это я тебе как газетчик говорю. Просто люди начитаются про актрис всякой ерунды в газетах – кто, с кем, когда, сколько раз – вот и начинают верить всяким сплетням. А я вот знал одну актрису, так она за десять лет ни разу мужу не изменила. Талантливая, я тебе скажу, женщина! Кикимору в театре играла.

Дослушивать Столбунов не стал. Он сделал еще глоток и ничком прилег на кушетку.

– Вы что здесь, пьете, что ли? – услышал я за спиной голос прапорщика Моржового. Мое долгое отсутствие озадачило его и прапорщик, соорудив из швабры что-то вроде костыля, отправился на мои поиски.

– Страдает человек, – кивнул я в сторону похрапывающего эскулапа.

– Ясно, – кивнул головой прапорщик, наливая себе из бутыли, после чего философски заметил, – все неприятности из-за баб.

После этого мы с прапорщиком просидели еще минут сорок, обсуждая поднятую доктором тему, а затем без особых приключений отправились спать. Моржовый даже почти ни разу не упал по дороге.

Это было вчера, ну а сегодня я смотрел на моржовскую ногу и не знал что подумать.

Столбунов все никак не возвращался, зато в палату заглянул тот самый фельдшер, который так и не донес наше пиво, и поинтересовался, не видел ли кто его фуражку? Насколько я помнил, никакой фуражки у фельдшера со вчерашнего дня не было. Фельдшер побродил по палате, пошарил под койками и с любопытством уставился на посиневшую ногу прапорщика.

– Отбегался? – деловито осведомился он.

– Почему это – отбегался? – в глазах Моржового мелькнуло смутное подозрение.

– Ясное дело почему, – охотно пояснил фельдшер, – гангрена.

– Какая гангрена! – возмутился прапорщик, однако договорить не успел – в палату уже входил военврач Столбунов. В руках у Столбунова стальными зубами холодно поблескивала новенькая пила-ножовка. Прапорщик побледнел.

– Ты зачем пилу принес? – приподнялся он на локтях на своей кровати, не отводя от ножовки настороженного взгляда.

– Пилить буду, – хмуро доложил ему Столбунов.

На лбу у Моржового проступили капельки пота. По всему было видно, что он не разделяет намерений доктора. В этот миг я вдруг остро ощутил, что и прапорщик нуждается в моей дружеской поддержке. Крепко обхватив его руки, я прижал их к кровати и как мог обнадежил больного:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.